

© 2003 г.

А. А. Вигасин

ДЕЛО О САНСКРИТСКОМ СЛОВАРЕ

В Петербургском филиале архива Академии наук хранится пухлое дело «Об издании академиком Бетлингом Санскритского лексикона». Так называемый Большой Петербургский словарь знаменует собою целую эпоху в истории индологии и сравнительного языкознания. Обстоятельства его публикации – одновременно с открытием первой кафедры санскрита в столичном университете – представляют яркую картину состояния науки и образования в России середины XIX столетия.

В то время европейская санскритология пыталась преодолеть зависимость от средневековой индийской лексикографии и комментаторской традиции. Словарь санскрита, составленный Г.Г. Вильсоном в начале века, был основан не на обработке самих текстов, а на использовании средневековых пособий. Он практически не включал лексику древнейших, ведийских памятников, которые представляли особый интерес для индоевропеистики, но еще не подвергались научному анализу. В расположении значений слов составитель не придерживался какой-либо определенной системы – проблема развития семантики им не ставилась. Таким образом, и в этом отношении словарь Г.Г. Вильсона оставался в русле традиционной индийской науки с характерным для нее отсутствием историзма.

Среди первых европейских санскритологов господствовало убеждение, будто в Индии тысячелетиями изустно от учителя к ученику в неизменной форме передавалась традиционная мудрость. Отсюда следовал вывод о непогрешимости индийских комментаторов и лексикографов. Европейским исследователям оставалась лишь функция усвоения и передачи той информации, которую они могли получить от местных ученых – пандитов.

В то же время более внимательное и широкое изучение памятников древнеиндийской литературы показывало недостаточность и противоречивость традиционных объяснений. Сравнение индоевропейских языков предоставляло новые возможности для интерпретации лингвистического материала, а приобретающая господствующее положение в науке эволюционная теория настоятельно требовала последовательного историзма в подходе к культурному наследию древней Индии.

Уже в 20–40-е годы в связи с публикацией и переводом памятников индийской литературы и исследованиями по сравнительной грамматике стали появляться небольшие глоссарии к отдельным текстам и списки корней санскритского языка. Но крупнейший шаг в этом направлении был сделан в 50–70-е годы изданием так называемого Большого Петербургского словаря санскрита О. Бетлинга и Р. Рота.

Э. Виндиш¹ когда-то писал о том, что в индологии XIX в. господствовал триумвират – О. Бетлинг, Р. Рот и А. Вебер. При этом он отмечал, что наиболее выдающиеся заслуги принадлежали первому из них – именно благодаря его работам наука была поднята на новую ступень. Деятельность этого ученого тесно связана с Россией.

¹ Windisch E. Geschichte der Sanskritphilologie und indischer Altertumskunde. Lpz, 1915. S. 238.

Происходил Отто Карл (Оттон Николаевич) фон Бетлинг из немецкой семьи, переселившейся в Россию при Петре Великом. Родился он в 1815 г. в Санкт-Петербурге, с 1833 г. изучал восточные языки (арабский и персидский) в университете под руководством Осипа Сенковского. Знакомство с Ф. Боллензеном², прошедшим курс санскрита в Тюбингене у Г. Эвальда, способствовало формированию его интересов в области индийского языкознания. В 1835 г. он отправился учиться в Берлин к Ф. Боппу, а затем совершенствовал свои познания в Бонне у А.-В. Шлегеля.

В 1838 г. О. Бетлинг защитил диссертацию в Гессенском университете. Его работа была посвящена знаменитой грамматике Панини. Текст этой грамматики был им опубликован в Бонне в 1839–1840 гг. Образцовое издание Панини, сопровождаемое ценными комментариями, составило целую эпоху в науке. Именно оно по-настоящему открыло путь к изучению традиционной индийской грамматической литературы. Спустя почти полвека, в 1887 г. ученый переиздал ее, сопроводив немецким переводом. Эта публикация и в настоящее время не потеряла научного значения. Леопольд Шредер вспоминал, что незадолго до смерти О. Бетлинг сказал ему: «Я не хочу говорить о своих работах, но мой "Панини" – это действительно был Труд»³.

По возвращении в Санкт-Петербург О. Бетлинг стал адъюнктом Академии наук (1842 г.), вскоре экстраординарным (1845 г.), а затем и ординарным академиком (1855 г.) по историко-филологическому (III) отделению. Он много лет заведовал академической типографией и был одним из активнейших деятелей Академии. Его фундаментальные труды появлялись почти ежегодно: в 1842 г. – издание и немецкий перевод драмы Калидасы «Шакунтала», в 1845 г. – санскритская хрестоматия, впервые включавшая ведийские тексты (ее расширенный вариант вышел в свет в 1877 г., перепечатывалась она и позднее). В 1847 г. ученый издал грамматику Вопадевы и лексикон Хемачандры (совместно с Ч. Рье). Круг интересов ученого не ограничивался индоевропеистикой. Он был и крупнейшим тюркологом. Обширная монография О. Бетлинга о якутском языке является основополагающей в данной области.

В течение всей своей долгой жизни выдающийся индолог уделял особое внимание вопросам текстологии. Подготовленные им издания свидетельствуют об огромной эрудиции автора и тщательности работы. О. Бетлинг опубликовал в Петербурге (1863–1865 гг.) трехтомное собрание стихотворных афоризмов «Indische Sprüche», выделенных исследователем из многочисленных памятников санскритской литературы. В первом издании оно содержало 5419 изречений, во втором издании (1870–1873 гг.) – 7613. Каждое из них сопровождалось немецким переводом и подробными указаниями на те сочинения, где оно встречается в том или ином варианте. О. Бетлинг ставил перед собою задачу установления первоначального текста посредством сопоставления различных его вариантов. Часто он предлагал свои исправления рукописной традиции.

Впоследствии знаменитого санскритолога не раз упрекали в том, что он слишком скор был на конъектуры и нередко исходил лишь из строгих норм классического языка, не учитывал диалектных особенностей и т.п. Однако эту строгость отношения к рукописной традиции придется поставить ему скорее в заслугу, если вспомнить, что издания предшествующего времени отличались некритическим характером. Сама проблема «первоначального текста» не всегда ставится в современной науке так, как в «Индийских изречениях» О. Бетлинга, однако за исследователем навсегда останется заслуга первооткрывателя богатства древнеиндийской афористики.

Как явствует из архивных материалов⁴, работу над санскритским словарем О. Бетлинг начал в 1842 г. Очевидно, она была связана с окончанием работы над Панини и с подготовкой к изданию целого ряда литературных памятников. Состави-

² Булич С.К. Памяти О.Н. фон Бетлинга. СПб., 1904. С. 1–2. Ф. Боллензен (1809–1896) приехал в Россию, получив место учителя немецкого языка в Гатчине.

³ См. в кн.: Ballini A. Ottoni Bohtlingk, Cenzo biographico. Firenze, 1904. P. 10.

⁴ СПб. филиал архива РАН. Ф. д. Оп. 1/1852. Д. д «Об издании академиком Бетлингком...» (л. 36).

тель словаря (в отличие от Г. Вильсона) исходил не из средневековых лексикографических пособий, а из древних памятников, анализируя значение слов по их употреблению. Не менее важным признавалось и построение каждой словарной статьи. Оно подчинялось историческому принципу – вначале первое и основное значение, затем его развитие в текстах различного времени и содержания. Определению первичного смысла слова способствовали этимологические изыскания, исходившие из принципов сравнительно-исторического языкознания, а также активное использование наиболее древних источников – Вед.

Подобные общие принципы составления словаря и организации лексического материала находились в русле общих тенденций эволюции научной мысли. В индологии к середине XIX в. центральной стала проблема отношения к древнему тексту и средневековому комментарию. На собрании немецких востоковедов в Дармштадте в 1845 г. молодой санскритолог Рудольф Рот⁵ формулировал свое понимание проблемы следующим образом: в Индии не было неизменной и непрерывной устной передачи знаний. Средневековые комментаторы пользовались приблизительно теми же пособиями, которыми располагает и современный ученый – грамматикой, словарями и параллельными текстами. Поэтому труды индийских пандитов для европейца должны быть не путеводной нитью, а лишь одним из вспомогательных средств. Современные критические методы научного анализа позволяют европейским ученым понимать ведийские тексты лучше, чем это делали любые средневековые комментаторы.

Позднее Р. Рот иллюстрировал эту мысль следующим примером. Слово *видатха* интерпретировалось знаменитым истолкователем Вед Саяной (XIV в.) как нечто, связанное с молитвой, обращением к божеству. Комментатор-богослов исходил из представлений, привычных для его собственной эпохи и окружения. Между тем анализ контекстов ведийских гимнов позволяет, по мнению Р. Рота, сблизив *видатху* с древнегерманским *тингом*, увидеть в ней народное собрание или сходку соплеменников⁶. Комментаторы, которым чужды были идеи и институты ведийской эпохи, нередко скорее запутывали, чем разъясняли первоначальный смысл текстов⁷.

При создании нового словаря санскрита ставилась двойная задача – не только собирание лексического материала, но и исследование значений слов в их историческом развитии. Достижение этих целей требовало огромной и кропотливой работы. Проблема осложнялась тем, что, с одной стороны, к 1840-м – 1850-м годам уже было известно почти необозримое множество санскритских текстов, а с другой – значительная часть памятников еще оставалась неопубликованной, а списки зачастую оказывались дефектными и ненадежными.

Словарь получался огромным тезаурусом – каждое значение слова должно было быть документировано цитатами из источников. Естественно, что О. Бетлинг, хотя и выполнил значительную часть работы, не мог ее завершить в одиночку. 1 января 1852 г. он в письме Р. Роту предложил ему сотрудничество – это было первое из тех сотен писем, которыми обменялись они почти за четверть века совместной работы. Р. Рот принял на себя обработку ведийской литературы, заручившись обещанием помощи со стороны Т. Ауфрехта. О. Бетлингу удалось также обеспечить поддержку со стороны других выдающихся немецких индологов – А. Вебера и А.-Ф. Штенцлера. Первый должен был прислать индекс к «Белой Яджурведе», второй – полный список слов из дхармашастры Ману («Законов Ману»), а также материалы по индийской поэзии и драме.

Предприятие, начатое О. Бетлингом, казалось не только весьма смелым, но и сомнительным. Такие известные индологи, как Макс Мюллер и М. Хауг⁸, высказыва-

⁵ Roth R. Zur Geschichte des Sanskrit-Wörterbuches // Mélanges Asiatiques. VII. SPb., 1876. S. 605.

⁶ Ibid. S. 609.

⁷ Ibid. S. 607.

⁸ Haug M. Brahman und die Brahmanen. München, 1871. S. 28–29; ср. памфлет: Böhtlingk O. Max Muller als Mythendichter. SPb., 1890.

ли свое несогласие с принципами издания. Скептически оценивалась возможность установления значения слов только по контексту. Подчеркивалась необходимость знания живой традиции – обычаев, обрядов и мировоззрения народа – того, что невозможно компенсировать никакими кабинетными изысканиями и остроумными догадками. Острые споры разгорались по вопросу о времени появления письменности в Индии и роли устной традиции в передаче знаний. Оппоненты О. Бетлинга и Р. Рота призывали к осторожности в исправлении чтений рукописей и в оценке комментариев.

Полемика, в особенности с М. Мюллером, нередко выходила за рамки научной дискуссии, но все же в основе ее лежали принципиальные расхождения в методах исследования. В критике словаря можно найти немало справедливого. Его авторы действительно нередко проявляли чрезмерный скептицизм, а в их истолкованиях встречается субъективизм, объясняемый недостаточным вниманием к ритуалу или реалиям, лежащим вне текста. И все же в целом именно создателям Петербургского словаря принадлежала заслуга освобождения санскритологии от пут средневековой традиции, что определило на многие десятилетия путь развития европейской индологии.

Словарь издавался в Санкт-Петербурге, и это не было случайностью. И Академия наук, и Министерство народного просвещения способствовали такого рода ученой деятельности в России. Поощрение санскритологии как «чистой науки» казалось делом престижа – и средств не считали. Финансировались даже публикации ученых, совершенно посторонних по отношению и к России, и к самой Академии (например, издание эпизода о Нале из «Махабхараты», подготовленное шотландцем Чарльзом Брюсом, прошедшим курс санскрита у Ч. Уитни в Америке). Макс Мюллер первоначально предполагал публиковать текст «Ригведы» на средства Российской империи – лишь крайне враждебные отношения с О. Бетлингом заставили его отказаться от этой идеи (деньги на это фундаментальное издание выделила, в конце концов, Ост-Индская компания).

Президент Академии наук С.С. Уваров имел репутацию покровителя санскритологии. В известной речи о задачах востоковедения еще в 1810 г. он говорил о необходимости создания санскритского лексикона. Недаром С.С. Уварову как «основателю санскритологических исследований в России» посвящали свои работы Р. Ленц, О. Бетлинг, Ф. Боллензен. Отчеты об их первых успехах в изучении древнеиндийского языка регулярно помещал «Журнал министерства народного просвещения». С.С. Уваров способствовал деятельности первого русского санскритолога П.Я. Петрова, отправив его для продолжения образования из Москвы в Петербург⁹, а затем – в двухлетнюю командировку в Европу¹⁰, к Ф. Боппу.

Внимание русской общественности привлекала тема родства между санскритом и славянскими языками. В сочинениях отечественных писателей встречается мысль об особой близости России и Индии (а последнюю, как известно, романтики считали колыбелью цивилизации). Известный литератор, ректор Петербургского университета П.А. Плетнев в рецензии на поэму В.А. Жуковского «Наль и Дамаанти» восклицал: «В самих собственных именах санскритских слышатся звуки и смысл славянские!»¹¹. Он имел в виду такие имена героев поэмы, как «Нерада» и «Первата» (появившиеся в результате перевода с немецкого языка – правильно было бы: «На-

⁹ См. предисловие Х. Френа к Nachtrag zu dem Verzeichniss der Sanskrit-Manuskripten des Asiatischen Museums. SPb., 1838.

¹⁰ П. Петров сначала занимался языком самостоятельно, пользуясь лишь помощью Ф. Боллензена. Познакомились они, вероятно, через Х. Френа (см. письма Ф. Боллензена Х. Френу в СПб филиале архива РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 34). Позднее Ф. Боллензен принял русское подданство и в 1854 г. сменил П. Петрова на кафедре санскрита в Казанском университете (см. ЦГА Татарстана. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6525. Лл. 14–16). После упразднения кафедры в 1856 г. уехал в Германию.

¹¹ Плетнев П.А. Сочинения и переписка. Т. 1. СПб., 1885. С. 531.

рада» и «Парвата»; созвучие с русскими словами не только далекое, но и совершенно случайное). И так же как немецкие романтики в седой «индо-германской» старине находили истоки немецкой культуры, русские славянофилы обращались к Индии как к колыбели «славянского духа». Отвлеченные проблемы лингвистики и сравнительной мифологии живо обсуждались в журналах и приобретали порою неожиданное идеологическое звучание. В славянофильских кругах санскрит становился модой.

Об одном из видных славянофилов, профессоре Московского университета С.П. Шевыреве, И.А. Гончаров¹² вспоминал, что с университетской кафедры он рассказывал «очень пространно» об индийских поэмах. Успехом пользовались его публичные лекции, в которых подчеркивалось родство славянского языка с санскритом. С.П. Шевырев и сам пробовал заниматься древнеиндийским языком. В письме к нему К.А. Коссовича есть строки: «Сладили ли Вы с этой грамотой? Она очень легка, если позаниматься со вниманием разика два. Без сомнения, Вы переводите уже. Немецкие грамматики ужасны...»¹³. Другого своего корреспондента, П.И. Бартенева, он спрашивает о Шевыреве: «Степан Петрович занимается ли санскритским?»¹⁴.

Судя по этим письмам, санскритскую грамматику пытались учить и сам П.И. Бартенев, и Третий Филиппов. Отрывки из памятников древнеиндийской словесности (в переводах с европейских языков) помещали славянофильские журналы «Москвитинин» и «Маяк». М.П. Погодин писал рецензии на индологические публикации и подыскивал славянским словам санскритские этимологии¹⁵.

Именно в этой среде складывались интересы одного из первых русских санскритологов – Казтана Андреевича Коссовича. Он был со студенческих лет близок с С.П. Шевыревым, жил в его доме и впоследствии в письмах обращался к нему как к «покровителю». После окончания университета К. Коссович преподавал греческий и латинский языки сначала в Твери, а затем во 2-й Московской гимназии¹⁶. В биографии, им самим написанной, так говорится о первом обращении его к Востоку: «Греческая классика, изученная Коссовичем с любовью и пытливостью... возбудила в нем желание исследовать истоки греко-римской цивилизации, что привело его к изучению древних языков Востока: он начал с еврейского и других семитских, но перешел в 1844 г. к языку санскритскому, с того времени не переставал... изучать классические его памятники»¹⁷.

В Москве К. Коссович вошел в кружок А.С. Хомякова, близко сойдясь с его племянником Д.А. Валуевым и братом жены, поэтом Н.М. Языковым. Впоследствии именно о них он вспоминал как о самых близких ему людях¹⁸. Письма Д.А. Валуева свидетельствуют о том, что он поощрял своего бывшего учителя классических языков к занятиям санскритом: «... надо будет непременно санскрит»¹⁹. Письма не датированы, но по содержанию они относятся ко времени поездки Д.А. Валуева в Европу (1842 – начало 1843 г.). В одном из них – рядом с высказанным убеждением в своем гражданском долге заниматься славянской стариной –

¹² Литературное наследство. Т. 56. М., 1950. С. 266. Ср. в письме К.А. Коссовича (РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 38 об – 39): «...к санскритскому языку меня привлекло сколько желание изучить источник Греко-Римского образования, столько и...лекции о санскритской литературе, читаемые адъюнктом Шевыревым после возвращения его из-за границы». С.П. Шевырев хлопотал об открытии кафедры санскрита в Москве еще в конце тридцатых годов (см. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. СПб., 1896. С. 963).

¹³ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 48об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 208об.

¹⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 4. М., 1874. С. 283–284.

¹⁶ См. Вигасин А.А. Изучение Индии в России в первой трети XIX века // Индия – 1984. Ежегодник. М., 1985.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 18.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 557. Л. 187об.

¹⁹ РО РНБ. Ф. 384. Ед. хр. 4. Л. 1об.

стоит и такая фраза: «Жаль, что нет Вас здесь, а то я бы Вам дал все, чтобы учиться по-санскритски»²⁰.

В доме у Н.М. Языкова К.А. Коссович жил «и был одним из лучших друзей его»²¹. Об этом писал и сам Н.М. Языков П.А. Вяземскому, рекомендуя ему одаренного молодого санскритолога²². В Москве А.С. Хомяков подарил ему словарь Г.Г. Вильсона²³ и горячо поощрял в занятиях санскритом. Ему и посвятил К.А. Коссович свой первый опубликованный перевод – отрывок из «Махабхараты» о Сунде и Упасунде (1844 г.). По словам самого переводчика, этот памятник «изумил своей неожиданностью наших специалистов и привлек живое внимание *московских* (курсив наш. – А.В.) литераторов к санскритскому языку»²⁴.

В «Москвитянине» в 1847 г. появился и еще один его перевод – «Сказания о Видьядхаре Джимутавахане». Сам Коссович²⁵ находил в этом произведении «идею высокой нравственности, выше коей она и не стояла и не станет в истории рода человеческого»²⁶. Там же опубликован был и первый акт драмы Шудраки «Глиняная повозка». Над ним К.А. Коссович усердно трудился с 1846 г., постоянно демонстрируя результаты С.П. Шевыреву²⁷. В типографии Московского университета отпечатано было также «Сказание о Дгруве» из «Бхагавата-пураны». Сам выбор текстов кажется совершенно случайным. Судя по словам мемуариста²⁸, фрагмент «Бхагавата-пураны» появился на русском языке после того, как один из приятелей К.А. Коссовича подарил ему калькуттское издание этой пураны, купленное за полтинник на Сухаревке.

Наиболее обширной публикацией К. Коссовича стал перевод драмы Кришна Мишры «Торжество светлой мысли». Помимо отдельного издания (1846 г.) значительная часть его была включена в славянофильский «Московский сборник». Перевод был выполнен столь тяжеловесно, языком, изобиловавшим славянизмами, что рецензенты сразу же вспомнили незабвенного В.К. Тредьяковского.

В предисловии К. Коссович пытался придать древнеиндийской драме актуальность, обличая философию материализма и нападая на «нео-гегельянских мудрователей». В кругах его покровителей подобные идеи вызывали симпатию. Так, П.А. Плетнев признавался Я.К. Гроту, что К.А. Коссович привлек его «именно образом мыслей своих»²⁹, ибо он не принадлежит к «числу юношей, ослеплявшихся модными мнениями нынешней философии истории»³⁰. П.А. Плетнев пытался найти для него место в Петербургском университете³¹.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. С. 946 (из письма Н.М. Коншина П.А. Плетневу, январь 1846 г.).

²² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 159.

²³ Барсуков. Ук. соч. Т. X. М., 1896. С. 347–348; ср. т. XVII. М., 1898. С. 444: Коссович вспоминал о А.С. Хомякове: «он первый познакомил меня с трудами немецких и английских санскритистов...».

²⁴ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 18.

²⁵ Там же. Л. 106 (письмо И.И. Срезневскому).

²⁶ Ср. отзыв П.Плетнева (ИРЛИ. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр.126. Л. 506).

²⁷ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 2; ср. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. С. 963.

²⁸ Маркс М. Каетан Андреевич Коссович // Русская старина. 1886. Ч. XVII. С. 616.

²⁹ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. С. 759.

³⁰ Там же. С. 743. К. Коссович резко отрицательно относился к критическому направлению исторической мысли – в частности, к работам Б.Г. Нибура. Не удивительно, что ученые западной выучки (как Д.Л. Крюков) отзывались о К. Коссовиче неблагоприятно (см. там же. С. 963).

³¹ См. Плетнев П.А. Статьи, стихотворения, письма. М., 1988. С. 341 (письмо С.П. Шевыреву от 1 ноября 1846 г.): «О Коссовиче, кажется, уже нечего говорить более с министром (С.С. Уваровым. – А.В.). Когда после смерти (М.Г.) Волкова я писал к нему, я был уверен, что он изберет его: так я полагался на правоту моих слов и его стремление к поддержке талантов. Вышло совсем не так. На него действуют отзывы голосов и лиц заграничных». «Заграничными лицами», очевидно, названы немцы-академики (прежде всего О. Бетлинг, которому К. Коссович через П.А. Плетнева передал свой перевод санскритской драмы).

В переводе драмы Кришна Мишры был использован специально вырезанный по заказу К.А. Коссовича санскритский шрифт. «Он предназначался для санскриторусского словаря, тогда уже им задуманного и составленного в объеме глоссария Боппа; поэт Языков принял на себя издержки по части печатания сего труда, но смерть Языкова уничтожила Коссовичу всякую возможность осуществления сего предприятия»³². Об этой работе уже в январе 1846 г. Н.М. Коншин сообщал П.А. Плетневу³³: «Теперь он составляет санскритский лексикон». Несколько позже (в письме от 6 ноября 1846 г.) С.П. Шевырев говорил: «Конечно, ему надо бы действовать с Запада, и он это сделает изданием санскритско-русского словаря»³⁴.

Планы издания словаря в значительной мере определялись честолюбивыми мечтаниями К.А. Коссовича, его неудовлетворенностью положением простого гимназического учителя³⁵. С помощью влиятельных друзей и покровителей он прилагал всеческие усилия для того, чтобы в Московском университете была открыта (для него) кафедра санскрита. А.С. Хомяков в 1849 г. обращался к графу Д.Н. Блудову, прося его «исходатайствовать у Министра кафедру санскритского языка» в Московском университете³⁶. Вдохновленный этой новостью К.А. Коссович³⁷ писал С.П. Шевыреву: «Если Блудову я буду обязан кафедрой санскритского языка, то не успокоюсь до той поры, покуда не составлю в честь его санскритско-русский лексикон, который объемом и достоинствами не уступит, а будет лучше греческо-русского...»³⁸. К.А. Коссович просил С.П. Шевырева сделать официальное представление Министру, указав на то, что в отличие от живых восточных языков, не имеющих «никакого применения», университет нуждается в «древних восточных языках, в письменах которых заключены и основные стихии Европейских, в особенности же Славянского слова и основные стихии гражданственности рода человеческого»³⁹. В том же представлении следовало указать, что «...труды г. Коссовича обнаруживают очень ясно университету то, что усвоенные им познания в древних восточных языках вполне достаточны и не уступают познаниям ориенталистов Запада».

В октябре 1849 г. С.С. Уварова на посту министра просвещения сменил П.А. Ширинский-Шихматов – и надежды на кафедру возродились с новой силой. К.А. Коссович писал С.П. Шевыреву: «У меня теперь все мечты устремлены на старый путь: я опять мечтаю о профессорстве, перемена административной декорации по министерству просвещения питает и усиливает мою мечту. Сообщу Вам новость: в программу предметов словесного факультета для каждого русского университета внесен Комитетом санскритский язык наравне с классическими и славянским: как же не мечтать и не радоваться. Правда, неизвестно еще, утвердится ли эта программа и когда это будет, а все-таки для русской любознательности отрадно видеть в подобной программе настоящий взгляд на филологию, принадлежащий сановникам империи, составлявшим программу. Мне пришло в голову подать Вам мысль предложить Вашему попечителю, чтобы он вошел к Министру теперь с представлением о сан-

³² РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 18 об.

³³ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. С. 946.

³⁴ Там же. С. 963.

³⁵ В письме С.П. Шевыреву (РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 43) он пишет, что санскритский лексикон – его единственная надежда выбиться из нужды.

³⁶ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 85.

³⁷ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 85 об.

³⁸ Речь идет о греческо-русском словаре, составленном им с братом Игнатием. И. Коссович был таким же «страстным эллинистом», как и Каэтан. Он даже сыновьям своим дал имена Сократ, Платон и Философ (все трое впоследствии служили по военному ведомству). Гоголевская Россия!... Будучи инспектором гимназии в г. Владимире на Клязьме, И. Коссович в 1851–1852 гг. опубликовал собственный перевод с санскрита «Наля и Дамаянти». Перевод печатался в типографии Московского университета (очевидно, по протекции С.П. Шевырева – декана историко-филологического факультета).

³⁹ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 148 об.

скритском языке для Московского университета»⁴⁰. К.А. Коссович выражает надежду на поддержку такой инициативы со стороны Д.Н. Блудова⁴¹.

Самое активное участие в этом деле принимала А.Д. Блудова, человек, близкий славянофилам. В письме к ней А.С. Хомякова читаем: «Об Коссовиче скажу Вам, что он пишет мне решительно не письма, а дифирамбы. Не могу отказать себе в удовольствии сделать выписку. После восторженных выражений благодарности его Вам и Вашей сестрице следует: «Одно меня томит и мучит: я умею чувствовать признательность, а доказать ее не могу. Нет, я ее докажу на деле. Я – переведу всю Магабгарату, издам ее с текстом, вариантами, глоссами, критическими и филологическими примечаниями: тогда увидят, что я умею чувствовать добро». Разумеется, первые экземпляры будут поднесены Вам. Конечно, нельзя не улыбнуться при такой Индейской мысли, а я уверен, что Вы над нею смеяться не будете. В ней так много глубокой искренности страстного филолога»⁴². Эта тема развивается и в письме К.А. Коссовича С.П. Шевыреву⁴³: «Я посвящу себя для монументального труда: я издам тогда всю Магабгарату в подлиннике и с переводом и объяснениями русскими. Об этом никто ни из Англичан, ни из Французов не смели даже и подумать. Теперь подлинник этого бесценнейшего для науки творения стоит 1000 р.асс., весь в ошибках и опечатках. У меня текст будет чист и обработан... Англичане и Немцы... будут изучать ее в Русском издании, по Русскому труду. Это мечта, но она сбыточна... Когда издам и переведу все, тогда я жил не даром и Вы не даром любите меня и покровительствуете».

Естественно, проект этого монументального издания не имел ни малейших шансов на осуществление. Кафедра же в Москве, действительно, была открыта в 1852 г., но предложили ее не К.А. Коссовичу, а П.Я. Петрову, переведенному из Казанского университета. В начале 1853 г. К.А. Коссович спрашивал С.П. Шевырева⁴⁴: «Прививается ли у Вас санскрит? Как дорого бы для меня было узнать что-нибудь от Вас о его ходе в Московском университете. Ведь столько было ваших стараний и моих стремлений по этому делу...»⁴⁵. Сам же К.А. Коссович (благодаря хлопотам А.С. Хомякова и содействию семейства Блудовых) в 1850 г. был принят на службу в Императорскую Публичную библиотеку. В следующем, 1851 г., опять-таки по ходатайству А.С. Хомякова, его командировали на восемь месяцев в Лондон для консультаций по индийским манускриптам и усовершенствования в санскрите⁴⁶.

Между тем О.Н. Бетлинг 23 января 1852 г. обратился в Академию наук с предложением о напечатании подготовленного им обширного санскрито-немецкого словаря. Историко-филологическое отделение Академии его поддержало. Внешним сотрудникам составителя решено было выплачивать вознаграждение в сумме: Р. Роту (Тюбинген) 10 талеров за печатный лист, А. Веберу (Берлин) – 5 талеров⁴⁷. Закончить работу предполагалось в 10–15 лет⁴⁸. Фактически же печатание растянулось

⁴⁰ Там же. Л. 6.

⁴¹ Ср. в письме С.П. Шевыреву (РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 45об.): «покровительство Норова и графа Блудова кем создано, если не Москвою?»; л. 46: «Это Вы, это Хомяковы... Ведь вы невидимо стоите за моими покровителями».

⁴² РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 80б. (При публикации письма в «Русском архиве» 1879, №1. С. 378–379 и в собрании сочинений А.С. Хомякова данный абзац был опущен). Ср. письмо П.И. Бартеневу (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 208).

⁴³ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 44об.

⁴⁴ Там же. Л. 28об.

⁴⁵ Ср. в письме С.П. Шевыреву годом ранее (там же. Л. 47об.): «Если Петрову придется читать санскритский язык в Московском университете, я все-таки буду рад, что он найдет там уже подготовленную почву: если не найдет он в университете санскрита, то встретит в молодых людях санскритолубие. Душа моя будет радоваться и за студентов, и за него».

⁴⁶ См. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. XI. М., 1897. С. 115; ср. РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 45 – Коссович писал: «Хомяков дарит мне золотой год моей жизни, год, который я буду в состоянии посвятить решительно науке, независимо от забот, от стеснений».

⁴⁷ По курсу 50-х годов серебряный талер равнялся русскому серебряному рублю или примерно трем маркам.

⁴⁸ СПб филиал архива РАН. Ф. 2. Оп. 1/1852. Ед. хр. 2. Л. 16.

более чем на 20 лет, а объем значительно превысил запланированный. Объявление о подготовленном в Санкт-Петербурге словаре вызвало широкий интерес, и тираж словаря пришлось определить не 400–500 экземпляров, как предполагалось, а 1000.

Между тем Отделение русского языка и словесности (II) Академии в том же году начало печатание обширного словаря великорусских наречий. В I томе «Материалов» для этого словаря была опубликована статья П.Я. Петрова «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными». Для сравнения привлекались слова арабские, персидские, турецкие и санскритские, а в основе статьи лежала, очевидно, та работа, которую автор готовил еще в студенческие годы по поручению Х. Френа. Препровождая О. Бетлингу первый выпуск этого словаря 19 января 1852 г., его также просили сообщить о том, «какие слова из санскрита вошли в русский язык»⁴⁹.

Узнав о планах О.Н. Бетлинга, Отделение русского языка и словесности 10 ноября 1852 г. поставило вопрос о необходимости печатания не санскрито-немецкого, а санскрито-русского словаря. Председательствующий в отделении И.И. Давыдов писал вице-президенту Академии⁵⁰: «В настоящее время санскритский язык стал потребностью для филологических исследований русского языка...». Обосновывал он эту мысль ссылкой на указанную выше статью П.Я. Петрова. В ответе от имени III отделения, подписанном академиком А. Шегреном, подчеркивалось, что О. Бетлинг не может взять на себя составление санскрито-русского словаря, ибо это противоречило бы его плану – словарь задуман как критический ученый труд, а не простой учебный глоссарий. В любом случае, санскритолог и лингвист обязан знать немецкий язык, по-русски же необходимо сначала издать грамматику санскрита с тем, чтобы не было пустой игры в этимологии. Отмечая недостатки предлагавшихся сопоставлений как в статье П.Я. Петрова, так и в работах самого И.И. Давыдова, О. Бетлинг указывал на несообразность самой мысли сравнивать великорусские слова непосредственно с санскритскими без предварительного анализа места того и другого языка в индоевропейской семье⁵¹.

Видимо, в связи с этой борьбой за словарь О. Бетлинг в письме от 9 декабря 1852 г. просил Р. Рота всемерно ускорить работу. Президент Академии С.С. Уваров вмешался в дело, резко указав на то, что наука должна стоять выше национальной розни. Он принял решение: О. Бетлинг и его сотрудники должны составить словарь не по-немецки и не по-русски, а на латыни – как это делалось в добрые старые времена⁵². На это О.Бетлинг ответил весьма твердо, что ни он, ни его сотрудники не знают латыни достаточно свободно, а подобная переработка словаря означала бы уничтожение его многолетнего труда. Он отказывался вовсе от публикации его на таких условиях. Сложность положения руководства Академии заключалась в том, что уже шла корректура первых листов словаря – дело могло получить весьма неприятную огласку за границей⁵³. Поэтому президент Академии⁵⁴ согласился если не отменить свое решение, то и не настаивать на нем.

К.А. Коссович в письме С.П. Шевыреву излагал дело следующим образом⁵⁵: «Милый и драгоценнейший друг мой Степан Петрович! Расскажу Вам историю, как начал основываться у нас Санскритско-Русский словарь и на какой точке это дело стоит ныне; эта точка очень важна для его существования, она не может быть без интереса для Вас. В Академии Бетлинг начал печатание Санскритско-Немецкого словаря, вроде тезауруса, в огромных размерах; составление его, кроме Бетлинга, принадлежит разным немецким санскритистам, печатание же его разлагается ровно

⁴⁹ Там же. Л. 21об.

⁵⁰ Там же. Л. 5об.

⁵¹ Там же. Лл. 20–23.

⁵² Там же. Л. 34об.

⁵³ Там же. Л. 36.

⁵⁴ Там же. Л. 37 (14 февраля 1853 г.).

⁵⁵ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 30 (письмо от 9 февраля 1853 г.).

на 16 лет. Это фундамент, в котором идеи моей словаря почти еще не видно. Но вот скоро она возникнет. Вам известно, что по случаю присоединения к Академии наук бывшей Российской академии, работы академиков, печатавших свои произведения на иностранных языках, стали подвергаться контролю членов II отделения Академии наук. Следствием сего было то, что возникли в Академии голоса, требовавшие настоятельно от Бетлинга, чтобы он печатал свое произведение не по-немецки, а по-русски. От исполнения этого требования Бетлинг наотрез и решительно отказался. Случилось, что во время этих академических прений был в Петербурге М.П. Погодин; вследствие его посредничества во II отделении возникла новая мысль – поручить мне от лица Академии составление Санскритско-Русского словаря.

Вскоре после возвращения М.П. Погодина в Москву Иван Иванович Давыдов предложил мне представить себе официальную записку, в которой были бы мною изложены те основания, которыми руководствуясь, я бы мог составить полный учебный Санскритско-русский словарь. Само собою разумеется, что составлением подобной записки я занялся немедленно и немедленно представил ее И.И. Давыдову. Моя записка принята была с величайшим одобрением и похвалами со стороны всех здешних членов II отделения Академии Наук и вот фундамент моего будущего труда. Теперь дальнейшая судьба его осуществления. Записка, одобренная II отделением, поступила на суд в общее собрание Академии Наук, где, как и должно было ожидать, она не удостоилась благоприятного отзыва со стороны Бетлинга. Но этот отзыв нисколько еще не повредил делу. Теперь мысль составления санскритско-русского словаря будет представлена на рассмотрение нашим профессорам санскрита П.Я. Петрову и казанскому профессору Боллензену, по рассмотрении же их мнений дело поступит на утверждение к президенту Академии наук».

В связи с делом о словаре вновь встал и вопрос о преподавании санскрита. Еще 4 февраля 1853 г. К.А. Коссович⁵⁶ с восторгом сообщал С.П. Шевыреву: «Вообразите себе, мой драгоценнейший ангел, Степан Петрович, что мне представляется: 1) кафедра санскрита в университете, 2) такая же кафедра в Педагогическом институте, 3) составление санскритско-русского лексикона поручено мне Академией Наук... Господи! Как я счастлив буду, когда все это осуществится». Далее он упоминал: «Но в Академии есть и против меня враждебные стихии». А в следующем письме⁵⁷, опасаясь, что «отзыв Боллензена будет согласовываться с отзывом Бетлинга», он просил через С.П. Шевырева, чтобы П.Я. Петров *«всеми силами»* постарался поддержать меня своим отзывом – во имя торжества просвещения русского». Вероятно, ответ П.Я. Петрова все же не был вполне благоприятным, так как осенью того же года К.А. Коссович писал: «II отделение вопреки всем, и тому, и другому, и третьему, поручило мне составление санскритско-русского словаря»⁵⁸. В письме же И.И. Срезневскому, обличая «злонамеренность» и «невежество» своих критиков, он говорит, очевидно, о П.Я. Петрове: «...бывают и вовсе не злонамеренные, напротив, добродушные люди, но которые привыкли смотреть на вещи только под своим углом зрения»⁵⁹. Лишь самая активная поддержка членов II отделения в борьбе с «немецкой партией» в Академии обеспечила успех К.А. Коссовича. 6 декабря 1853 г. он сообщал С.П. Шевыреву: «Главное, тружусь над составлением санскрито-русского лексикона. Честь и слава Срезневскому и Ивану Ивановичу Давыдову: им я обязан тем, что мой труд, наконец, обеспечен. В феврале, если Господь меня поддержит, начнется печатание»⁶⁰. С 1854 г. этот лексикон, действительно, стал появляться отдельными выпусками в «Материалах по словарю великорусского

⁵⁶ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 29.

⁵⁷ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 31.

⁵⁸ Там же. Л. 33.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 27об.

⁶⁰ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 35.

языка»⁶¹. И.И. Срезневского и И.И. Давыдова К.А. Коссович с тех пор именовал «друзьями и благодетелями».

Одновременно со словарями О. Бетлинга и К. Коссовича в России появился целый ряд специальных работ, посвященных санскритскому языку. Наиболее объемистая книга, вышедшая под названием «О родстве языка славянского с санскритским», принадлежала А.Ф. Гильфердингу (1831–1872), известному впоследствии слависту и славянофилу. В основе ее (а также книги «Об отношении языков славянских к языкам родственным», напечатанной по решению Совета Московского университета) лежала магистерская диссертация автора. Вдохновителем молодого ученого был А.С. Хомяков. В результате сопоставлений фонетики и лексики А.Ф. Гильфердинг приходил к общему выводу о том, что русский и другие славянские языки находятся в особо тесной связи с санскритом⁶²: «Близость сравненных нами языков необыкновенная. Как ни хорошо обработаны новейшими учеными прочие языки Европейские, однако ни в одном из них не найдено столько слов, родственных Санскритским, сколько случилось нам открыть в славянском при первой попытке изучить сравнительно его лексический состав (...). Едва ли останется 1 или 2 десятых Славянских слов, которым не найдется родства в языке Санскритском»⁶³. «Славянский язык не имеет ни одной особенности, чуждой санскритскому», «весь язык Славянский состоит из коренных Индо-европейских стихий». Все прочие индоевропейские языки (за исключением литовского) резко им противопоставлялись как потеврявшие первоначальную свежесть мысли и творчества духа⁶⁴.

Излишне говорить о том, что труд этот не был на уровне языкознания своего времени – середины прошлого века (да, в сущности, и лингвистические проблемы интересовали автора не сами по себе). Однако К. Коссович⁶⁵ настоятельно рекомендовал его И.И. Срезневскому. Последний предложил опубликовать работу «в виде прибавления к издаваемым Академией запискам», впрочем, «за счет неизвестного, внесшего для сей цели деньги», а «неизвестным» был отец А.Ф. Гильфердинга⁶⁶.

К той же группе славянофильских писателей принадлежал С.П. Микуцкий (1815–1890), приятель А.С. Хомякова и, по его отзыву, «великий филолог... страстный к своему делу едва ли не более Коссовича»⁶⁷. Его работа «Сравнение корней и слов санскритских со славянскими» (написанная едва ли не на студенческой скамье) благодаря усиленным хлопотам А.С. Хомякова и К.А. Коссовича через П. Плетнева⁶⁸ и И.И. Срезневского также была напечатана в 1853 г. II отделением Академии наук.

Еще более дилетантским характером отличалась работа самого А.С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими» (см. ниже). Еще на диспуте Ф.И. Буслаева в 1848 г. он посвятил свое выступление именно данной теме и в письме А.Н. Попову сообщал не без гордости: «Сильные были приемы санскритских корней... Я работорствовал...»⁶⁹. Ф.И. Буслаев вспоминал, как А.С. Хомяков нападал на него «за излишнюю осторожность в сличении языка славянского с санскритским и приводил примеры. Из его слов я вывел, что он считает санскрит местным наречием языка

⁶¹ В статье «Несколько слов о санскритско-русском словаре», напечатанной в Известиях Академии по II отделению (с. 218) К.А. Коссович не удержался от выпада против словаря О. Бетлинга, будто бы намеченного к изданию Обществом Германских ученых (очевидно, имелось в виду историко-филологическое отделение Академии, состоявшее, главным образом, из немцев). За это И.И. Давыдов получил выговор от постоянного секретаря Академии (СПб. отделение архива РАН. Ф. д. Оп. 1/1852. Ед. хр. 2. Л. 75).

⁶² Гильфердинг А.Ф. О родстве языка славянского с санскритским. М., 1852. С. 285–286.

⁶³ Там же. С. 286–287.

⁶⁴ Гильфердинг А.Ф. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853. С. 118.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 4.

⁶⁶ Там же. Л. 12.

⁶⁷ Русский Архив, 1884, Кн. 4, с. 313. Ср. РО РНБ. Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 19: «приятель мой Микуцкий послал в Академию свод корней... Бетлинг держит».

⁶⁸ РО РНБ. Ф. 384. Ед. хр. 19. Л. 3об.

⁶⁹ Русский Архив. 1884. Кн. 4. С. 288 (письмо от 4 июня 1848 г.).

русского»⁷⁰. Автор «санскритского лексикончика» сравнивал имя индийского бога Вишну с русским словом «Вышний», а бога Ямы – с русским «яма». Слово «шуба» он выводил из санскритского глагола «шубх» – «блестеть» (с примечанием: «не в смысле ли праздничного платья?»⁷¹). Русское «хрен», по его мнению, происходит от санскритского корня «жр» – «быть старым» (с примечанием: «эта форма, может быть, отзывается в некоторых словах русских, как, например: старый хрен»). В результате сопоставлений (исполненных порою изрядной поэтической фантазии) делался вывод о «таком сходстве, которое доходит почти до тождества в лексическом отношении»⁷².

Занимался он этими сравнениями с большим увлечением, «Совершен он (= этот труд. – А.В.) при всех возможных препятствиях и вдали от всех возможных пособий, частью в деревне, частью на почтовых станциях и на заводе, между фабричных работ. Сравнил я с лишком тысячу слов Санскритских с Русскими»⁷³. С А.Ф. Гильфердингом делился: «без Вас и Коссовича я просто давлюсь этимологиями»⁷⁴, а результатами своего «гуляния... по огородам Индо-европейских корней»⁷⁵ очень гордился. О выводах своих сообщал друзьям, например, К. Аксакову: «Теперь перебираю корни Санскритские в сравнении с Русскими; это дело скучное и утомительное, но оно представляет большие выгоды, полагая начало определению сродства языков по звучной физиономии, и непременно отделит Славяно-Литово-Латинскую семью от остальных. Любопытны и частные явления:... глагол челла – думать – дает нам лучшую и единственно разумную этимологию слова человек... человек – мыслитель, мыслеживущий. Я вижу Вас: Вам это нравится, и Вы осклабляетесь, созерцая такую глубокую мудрость наших предков»⁷⁶.

Через А.Ф. Гильфердинга он послал свой труд в Академию наук. К.А. Коссович сообщал в письме И.И. Срезневскому: «Спешу поделиться с Вами приятнейшим для друзей отечественной филологии известием: А.Ф. Гильфердинг сообщил мне свод новых сближений русских корней с санскритскими, составленный А.С. Хомяковым. Сближения Хомякова тем драгоценнее, что они, будучи основаны на добросовестном изучении памятников санскритского языка, часто бросают свет не только на первоначальное значение русских корней, но и на стихии сих последних... Не могу не выразить искреннего желания скорейшего появления в свет труда, который совершен путем строжайшего разыскания науки, руководимого безукоризненной пытливостью высшего таланта»⁷⁷.

Аналогичные открытия делались этим «истинно русским», по выражению В.А. Жуковского⁷⁸, человеком и в других областях науки и техники. Отправлявшемуся в Лондон К.А. Коссовичу он поручил отвезти на выставку изобретенную им машину, а в письме А.Д. Блудовой⁷⁹ комментировал это так: «Не знаю, слыхали ли Вы об этой затее моей. В ней столько сумасбродства, что ее почти можно назвать поэтической. Я хочу переменить систему всех паровых машин и надеюсь на успех, потому что я совсем не механик, а за патентом посылаю Коссовича потому, что он не знает ни механики, ни дел никаких, кроме Санскритского языка, а с Англичанами должен объясняться смесью Санскритского с древне-Саксонским». Характерные для А.С. Хомякова искренность увлечений, иронический тон, поэтические сумасбродства, вызов – и что-то ноздревское.

⁷⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 310.

⁷¹ Хомяков А.С. Сравнение русских слов с санскритскими // Известия Имп. АН по ОРЯС. СПб., 1855. С. 427.

⁷² Он же. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1900. С. 308.

⁷³ Там же. С. 367.

⁷⁴ Там же. С. 324.

⁷⁵ Там же. С. 322.

⁷⁶ Там же. С. 349.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Лл. 17–18.

⁷⁸ РО РНБ. Ф. 286–II. Ед. хр. 65.

⁷⁹ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 402.

Несмотря на уничтожающий отзыв О. Бетлинга⁸⁰, «лексикончик» А.С. Хомякова все же был опубликован в 1855 г. по распоряжению II отделения Академии наук. Научное значение он имел, конечно, не большее, чем открытие, сообщенное автором в письме к Н.М. Языкову: «Я нашел Славянскую надпись... Какого времени? 6-го или 7-го века до Р.Х. Что скажешь? Немцы попадают в обморок... У меня чудес исторических пропасть. Никто еще не знает, что это за Славяне, которых мы потомки»⁸¹.

Все эти публикации вызвали живое обсуждение в журналах. Ф.И. Буслаев в «Отечественных записках» отзывался на работу А.С. Хомякова разгромной рецензией. И даже ученик И.И. Срезневского Н.Г. Чернышевский, дав в целом благожелательный отклик на книги А.Ф. Гильфердинга, указал на несообразность его общей идеи.

В связи с этими изданиями следует рассматривать и подготовленный К.А. Коссовичем словарь. По словам самого составителя, «словарь сей предназначался для не знающих санскритского языка»⁸². Задачей словаря было представить «все корни санскритского языка, родственные славянским наречиям». По совету И.И. Срезневского слова давались не только в русской графике, но даже и в порядке русского алфавита, дабы «устранить всякую возможность односторонности в толковании родного языка». В «Филологических замечаниях», опубликованных II отделением Академии, К.А. Коссович приветствовал работы А.Ф. Гильфердинга и С.П. Микуцкого и стремился развивать это направление исследований. Планировал он и сам написать на данную тему обширную книгу⁸³. Но недаром А.С. Хомяков⁸⁴ писал К.А. Коссовичу о недоброжелательстве к его ученой деятельности со стороны «немецкой Академической колонии» – О.Бетлинг⁸⁵ считал, что словарь К. Коссовича не принесет славы Академии, а средства на него были потрачены напрасно.

Публикация словаря в приложениях к периодическому изданию, использование русской, специально придуманной, транскрипции и русского алфавита сделали словарь практически неудобным. Более того, по словам О. Бетлинга⁸⁶, автор «не делает никакого самостоятельного вклада в санскритскую лексикографию, за исключением ошибок». Он подчеркивал: «Я вообще того мнения, что славянист, ограничивающийся тесным кругом славянских языков, в состоянии более совершить для познания отдельных славянских языков, чем тот, кто, обойдя ближайшие по родству языки, прямо примется за сличения с санскритом... С помощью одного только санскритского языка еще нельзя сделать важных открытий... Ныне столь любимое прибегание к санскритскому языку полунзатоков и вовсе незнакомых с ним есть только пустое щегольство, которое ни на шаг не подвигает вперед самого дела»⁸⁷.

Критику эту нельзя не признать основательною. Словарь К.А. Коссовича не пошел далее самых первых букв алфавита, но, если бы и был закончен, не мог бы стать подлинным руководством для индологов и лингвистов. Составитель его явно не был на высоте научных требований эпохи⁸⁸. Этот труд так и остался курьезом – памятником истории первых шагов отечественной санскритологии, да еще истории самой Академии наук. Подлинную же славу последней принес Большой Петербургский словарь О. Бетлинга и Р. Рота.

⁸⁰ См. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. XII. М., 1898. С. 161–162.

⁸¹ Хомяков. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 107.

⁸² Коссович К.А. Несколько слов о санскритско-русском словаре // Известия Имп. АН по отделению русского языка и словесности. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 212–213 (то же в Предисловии к «Санскритско-русскому словарю». СПб., 1854. С. VII–VIII).

⁸³ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 114.

⁸⁴ РО РНБ. Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. доб.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 2 (отзыв академика О. Бетлинга «О некоторых изданиях Отделения русского языка и словесности»).

⁸⁶ СПб филиал архива РАН. Ф. д. Оп. 1/1852 Ед. хр. 2. Л. 26.

⁸⁷ Там же. Л. 25об.

⁸⁸ По словам С.Ф. Ольденбурга (Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 302), «сам Коссович, как мы знаем из личных бесед, не придавал особенного значения этому научному предпрятию».

С самого начала работа над ним стала интернациональным предприятием. По запросу Академии известный индийский санскритолог Райя Радхакант Деб прислал экземпляр своего многотомного лексикона «Шабдакальпадрума» – после этого он был в 1856 г. избран почетным членом Академии. Из немецких ученых Т. Ауфрехт принимал участие в подготовке лишь самых первых листов словаря – до своего переезда в Оксфорд. Вся дальнейшая работа над анализом лексики вед (как и ряда других текстов – например, медицинских) легла на плечи Р. Рота. Он был избран в Академию в 1855 г., в 1860 г. произошло избрание и А. Вебера. Активную помощь составителям словаря оказывал А.Ф. Штенцлер (избранный членом Академии в 1867 г.). Американский санскритолог У.Д. Уитни предоставил индекс к «Атхарваведе» и список слов из астрологического трактата «Сурьясиддханта», а ученик А. Вебера голландец Гендрик Керн – лексику «Брихатсамхиты». В знак признания их заслуг по составлению словаря оба были избраны в Академию (1875–1876 гг.). Буддийские тексты, главным образом «Махавьютпатти», обрабатывал петербургский тибетолог и лингвист, член-корреспондент Академии Антон Шифнер.

Но девять десятых работы принадлежало неутомимому О. Бетлингу. В 1868 г. он переехал в Иену, но с Академией продолжал поддерживать самые тесные связи. Оформлено это было как заграничная командировка (продлеваемая каждые три года, что давало ему возможность получать жалование), хотя и было известно, что возвращаться в Россию ученый не намерен.

В процессе работы составители систематически расширяли круг привлекаемых источников, и каждый том сопровождался многочисленными дополнениями. Основной словарь послужили примерно триста важнейших литературных памятников санскрита. Семь томов словаря большого формата (56 выпусков) включали несколько тысяч страниц. Это издание уникальное по полноте, точности и научной организации материала окончено было в 1875–1876 гг. Сотрудники О. Бетлинга по этому поводу были награждены русскими орденами (Станислава 1 и 2 степени).

Одновременно с завершением огромного труда О. Бетлинг опубликовал текстологические комментарии к нескольким десяткам санскритских текстов (в том числе столь обширным, как «Махабхарата»). Чуть позже он издал немецкий перевод драмы Шудраки «Глиняная повозка» и трактата Дандина о поэтике, тексты важнейших упанишад – «Брихадараньяка» и «Чхандогья». Но еще более значительным был его новый замысел словаря – на этот раз без отсылок к памятникам, но зато с использованием многочисленных, только что опубликованных или ставших доступными санскритских сочинений. Р. Рот отказался от участия в этом предприятии, и так называемый Малый Петербургский словарь в семи томах значительного объема был создан О. Бетлингом без посторонней помощи (1879–1889 гг.).

Петербургские словари открыли новую эпоху в индологии и сравнительном языкознании. Известный русский лингвист С.К. Булич писал: «Можно сказать без всякого преувеличения, что только словарь О. Бетлинга и Р. Рота сделал возможным правильное понимание многих индийских памятников и раскрыл их настоящее содержание». Он называл словарь «удивительным памятником человеческого ума, железного трудолюбия и колоссальной начитанности»⁸⁹. Словари явились крупнейшим предприятием, осуществленным в XIX в. Академией наук России. В этой связи Р. Рот говорил: «Вот – почва, взрастившая это дерево; без влияния, средств, постоянной поддержки Академии, без личного содействия ее членов нам и нашей работе трудности оказались бы непреодолимыми»⁹⁰.

Между тем отношение к этому предприятию в русском обществе не было однозначным – как и ко всей деятельности Академии. В 1879 г. известный славист В.И. Ламанский опубликовал в «Новом времени» язвительный фельетон «Еще племянник и санскритолог». Он приводил критические отзывы некоторых европейских

⁸⁹ Булич С.К. Памяти О.Н. фон Бетлинга. СПб., 1904. С. 8.

⁹⁰ Roth. Zur Geschichte... S. 592.

ученых о знаменитом словаре, но главное – обращал внимание на то, что издание это обошлось Академии наук, по крайней мере, в сто тысяч рублей⁹¹. Таким образом, Россия опубликовала труд, составивший «гордость и славу германской науки», – между тем сама Германия «не решалась предпринять такое издание, считала его несвоевременным и предпочитала тратить большие суммы на более производительные и близкие задачи своей науки» (№ 1140, с. 2–3)⁹². Ученый сетовал на отсутствие достаточных пособий в России по славистике и византиноведению, по русским наречиям и русской истории.

Приведенные В.И. Ламанским замечания о научных достоинствах работ О. Бетлинга и А. Шифнера не были объективны. Значительно более обоснованными являлись жалобы на немецкое засилье в Академии, противоречащее национальным интересам России. Независимо от высокой научной оценки трудов тех или иных исследователей, ясно, что публикация словарей и санскритских текстов с немецкими переводами не являлась наиболее актуальной задачей науки в России. Они могли занимать столь важное место в деятельности Петербургской Академии лишь в силу отрыва этой ученой корпорации от подлинных общественных потребностей страны.

Уже сказано было, что санскрито-русский словарь К.А. Коссовича явно не удался, а лингвистические опыты его, А.Ф. Гильфердинга и С.П. Микуцкого (не говоря уж о А.С. Хомякове) были лишь «детской болезнью» сравнительного языкознания в России. Но интерес славистов и славянофилов к санскриту имел немаловажные последствия – открытие соответствующих кафедр в столичных университетах. В Петербурге дело затянулось на несколько лет, хотя министр А.С. Норов много раз обнадеживал на этот счет К.А. Коссовича. Известие (в цитированном выше письме от февраля 1853 г.) о кафедре в университете и в Педагогическом институте не подтвердилось. К. Коссович продолжал занятия санскритом с вольнослушателями в Ларинской зале Публичной библиотеки. В ноябре 1854 г. по совету А.Ф. Гильфердинга он обратился через И.И. Срезневского к И.И. Давыдову с просьбой о выделении для занятий одной из аудиторий Педагогического института⁹³. По ходатайству И.И. Давыдова 1 декабря министр просвещения распорядился решить вопрос положительно.

М.Н. Мусин-Пушкин, как попечитель, выразил свое одобрение тому, чтобы лекции по санскриту посещали и студенты университета. С.П. Шевыреву К. Коссович писал тогда: «Победа, радость, счастье и все, все, что ни есть хорошее! В ближайшую пятницу я начинаю курс санскритского языка в здании Педагогического института для студентов здешнего университета и Института; слушателей буду иметь за 30-ть с излишним человек. Нужды нет в названии: дело в сущности»⁹⁴. Занятия проходили дважды в неделю. Впрочем, уже в феврале К. Коссович⁹⁵ жаловался И. Срезневскому, что приходят лишь трое. О том же он писал и С. Шевыреву⁹⁶: «Студенты мои оказались, к сожалению малыми добрыми, но ленивцами. Не теряю, однако, надежды еще. Что делать? Если будет кафедра санскрита в будущем году, то она должна быть обязательна для изъявивших желание учиться; иначе толку будет мало».

В начале 1855 г. по предложению И.И. Давыдова К. Коссович усиленно трудился над составлением учебника, он торопился обеспечить доступ «в этот новый прекрасный духовный мир, на страже у дверей которого немцы вольно и невольно нагромодили столько трудностей»⁹⁷. Представление о характере преподавания дает подготовленная в качестве пособия и опубликованная в 1859 г. книжица «Легенда об

⁹¹ Для сравнения можно указать, что на публикацию всех трудов по Отделению русского языка и литературы Академия наук выделяла всего 4 тысячи рублей в год.

⁹² Рукопись см. в СПб. филиале архива РАН Ф. 35. Оп. д. Ед. хр. 43. Фельетон появился в связи с тем, что Историко-филологическое отделение одобрило на выборах в Академию кандидатуру санскритолога Леопольда фон Шредера, племянника академика Л. Шренка.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 29.

⁹⁴ РО РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 318. Л. 50об.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 36 : «Каковы наши, т.е. петербургские студенты!».

⁹⁶ Там же. Л. 52об.

⁹⁷ Там же. Л. 53.

охотнике и паре голубей», содержащая эпизод из «Махабхараты» на санскрите с переводом на латинский и небольшим глоссарием. Систематического изложения грамматики К. Коссович не дал, полагая, что понимать текст можно «и без грамматики»⁹⁸.

В связи с созданием в 1855 г. факультета Восточных языков вопрос о кафедре санскрита был поднят снова, однако события приняли неожиданный оборот. К.А. Коссович⁹⁹ писал 31 декабря 1855 г.: «Только Абрам Сергеевич (Норов. – А.В.) проявил расположение свое довольно оригинальным образом. Целых 5-ть с излишним лет он соболезнавал передо мною, что в Петербурге нет кафедры санскритского языка; 5-ть лет твердил он мне и знакомым моим, что эта кафедра предназначена для меня. Наконец, учреждение кафедры при Санкт-Петербургском университете исходатайствовано и вместе с тем положено уничтожить преподавание санскрита в Московском университете, Петрова же перевести на этот предмет в Петербург». Он просил С.П. Шевырева обратиться по этому поводу к П.А. Вяземскому. А.С. Хомяков усиленно убеждал А.С. Норова отдать кафедру К. Коссовичу, и последний говорил¹⁰⁰: «Если суждено этой кафедре быть моею, то это будет делом Хомякова, если сохранят Петрова для Московского университета, то и это будет делом Хомякова». В результате всех этих хлопот П.Я. Петрову в Московском университете предоставили жалование профессора – так что он уже не был заинтересован в переводе в Петербург.

Лишь в августе 1858 г. последовало решение об открытии кафедры на санскритоперсидском отделении и К.А. Коссович начал регулярно (хотя первый год и бесплатно) преподавание языка в университете. В 1859 г. санскрит вошел в обязательную программу факультета.

Позднее, в 1863 г. он писал П.И. Бартеневу¹⁰¹: «Пять лет я уже на университетской кафедре... А доволен ли хоть результатами занятий? Очень недоволен, хотя из студентов моих есть занимающиеся самостоятельно и отлично». Именно в эти годы среди студентов, посещавших его лекции по санскриту, был И.П. Минаев, ставший впоследствии его преемником. Вряд ли он мог многое получить в студенческие годы у К. Коссовича¹⁰². Вероятно, решающее значение для его формирования как ученого имели годы, проведенные в Европе после окончания университета. И.П. Минаев – первый русский индолог, труды которого по истории буддизма и древнеиндийской литературе стали известны на Западе. Время немецкой санскритологии в России и русского дилетантизма заканчивалось – появилась отечественная школа научной индологии.

Программная речь И.П. Минаева «Об изучении Индии в русских университетах», произнесенная вскоре после смерти К.А. Коссовича, обозначила решительный разрыв с предшествующей эпохой. Для немецких романтиков и их русских последователей (и оппонентов) санскритская словесность была сферой чистой красоты, далекой от злобы дня. Напротив, И.П. Минаев подчеркивал: «Изучение Индии старой не

⁹⁸ Там же. Л. 53. О занятиях студентов по этому пособию сохранились воспоминания С.М. Волконского (Наше наследие. 1991. № 4. С. 63): «Коссович перевел и издал санскритскую песнь «Охотник и голуби». Это мы читали, а он с никогда не ослабевавшим увлечением декламировал: «Дхарманишчая саньюктан... каласаммита...». Это описывало наружность «охотника», взъерошенного, бородатого: и старичок все это изображал лицом и волосами и руками своими, – чтобы хорошенько мы себе представили этот страшный образ того, кто охотился на голубей...». «Милый старичок. Отрешенный от мира, совсем не подходил под тогдашний тип профессора-политика, общественного деятеля. Оторванный от всего, сидел Казан Андреевич в своей заваленной книгами комнатке, делил свое одиночество только с дроздом, который сидел у него на лысине и посвистывал, пока его хозяин читал санскритские тексты...».

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1245. Л. 55.

¹⁰⁰ Там же. Л. 57об.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 557. Л. 187об.

¹⁰² В дневнике И.П. Минаев писал: «Как мало дает университет! Как несостоятельны наши профессора!» (Архив востоковедов СПб филиала ИВ РАН. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 16). См. также: История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 394.

должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии»¹⁰³. Он писал об актуальности изучения Востока: «Россия... не может и не должна именно теперь игнорировать Индии; именно теперь – потому, что Восток переживает критические моменты своего исторического бытия, и незнание всего того, что там свершается, должно необходимо иметь печальные последствия»¹⁰⁴.

THE STORY OF A SANSKRIT DICTIONARY

A.A. Vigasin

On the basis of documents from Russian archives the author gives an account of the publication of the famous Petersburg Sanskrit dictionary compiled by O. Böhtlingk and R. Roth, as well as of the debates at the Russian Academy of Sciences thereon. Scholarly activities of Slavophiles in the field, an attempt to compile a Sanskrit-Russian dictionary by K. Kossovich and the opening of the first chair of Sanskrit in Russia are related as well.

¹⁰³ Годичный акт Имп. С.-Петербургского университета 8 февраля 1884 г. СПб., 1884. С. 90.

¹⁰⁴ Записка профессора СПб. университета статского советника Минаева. См. *Вигасин А.А. И.П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. // Восток. 1993. № 3. С. 123.*